

СКЛОНЕНІЕ ОСНОВЪ НА -У-
ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

А. ШЛЕЙХЕРА.

**ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XI ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 3.**

САНКТПЕТЕРБУРЪ, 1867.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.

Г. Шиндлерова, въ С. П. Б.

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Еггерса и Коми., въ С. П. Б.

Экземплярца и Коми., въ Тифлисѣ.

Цена 25 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ, 20 февраля 1867 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

СКЛОНЕНИЕ ОСНОВЪ НА -У- ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

А. ШЛЕЙХЕРА.

(Представлено Академіи 13 декабря 1866 г.)

Слѣдующая статейка, о склоненіи основъ на -у- въ славянскихъ нарѣчіяхъ, извлечена изъ сравнительной грамматики славянскаго языка, которую я теперь пишу. Этотъ отрывокъ моего сочиненія покажетъ, какимъ образомъ я стараюсь исполнить эту трудную и обширную задачу. Общее расположеніе моей славянской грамматики будетъ до нѣкоторой степени похоже на компендіумъ сравнительной грамматики индогерманскихъ языковъ. Но само собою разумѣется, что сочиненіе о славянскихъ нарѣчіяхъ не дастъ однихъ результатовъ, какъ компендіумъ, а будетъ состоять по большей части изъ изслѣдованій.

Обстоятельство, что эта статья есть отрывокъ изъ большаго сочиненія, служитъ мнѣ оправданіемъ въ томъ, что въ ней находится не мало положеній безъ доказательствъ, которыя можно будетъ найти позже, въ самой книгѣ. Это особенно относится до формъ основнаго славянскаго языка, которыя я пытался вывести изъ имѣющихся формъ славянскихъ нарѣчій (сравни формы индогерманскаго праязыка въ компендіумѣ). Оправдать эти формы нельзя безъ ученія о звукахъ; но трактовать о звукахъ въ этой статейкѣ я не намѣренъ. Это слишкомъ увеличило бы ея объемъ.

О порядкѣ, въ которомъ здѣсь расположены отдѣльныя нарѣчія, я буду пространно говорить въ введеніи къ самому сочиненію. Тамъ также можно будетъ найти полный списокъ литературныхъ пособій и источниковъ, которыми я пользовался.

И такъ я долженъ просить благосклоннаго читателя не забывать при чтеніи этой статейки, что она только отрывокъ и что,

слѣдовательно, во многихъ отношеніяхъ еще нельзя судить о ней рѣшительно.

Фонетическое письмо русскихъ словъ и приведеніе тѣхъ же самыхъ словъ въ двухъ шрифтахъ, въ кирилловскомъ (или глаголическомъ) и въ латинскомъ или, лучше сказать, въ чешскомъ или югославянскомъ, было бы совершенно излишне въ этой статейкѣ, которая предполагаетъ читателей, знающихъ русскій языкъ. Другое дѣло въ книгѣ, писанной на нѣмецкомъ языкѣ и предназначенной не только для свѣдущихъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ, но и для такихъ читателей, которые желаютъ познакомиться съ славянскими звуками и формами.

Но обратимся къ предмету:

Извѣстно, что въ славянскихъ языкахъ формы основъ на -у- часто смѣшиваются съ формами основъ на -а-, т. е., что у основъ, которыя первоначально оканчиваются на -у-, находятся падежныя окончанія основъ на -а-, а у основъ, которыя первоначально оканчиваются на -а-, употребляются падежныя формы основъ на -у-. Ученая, объяснительная грамматика отыскиваетъ, къ которому изъ этихъ двухъ основныхъ классовъ принадлежатъ настоящія падежныя формы первоначально.

Хотя распознаваніе формъ основъ на -у- и основъ на -а- въ большинствѣ случаевъ не трудно, однако все-таки не мало формъ, принадлежащихъ къ основамъ на -у-, и которыя обыкновенно были принимаемы за формы основъ на -а-.

Не трудно узнать откуда произошла эта ошибка. Причиною ея служило предположеніе, что аналогія рѣдкихъ съ начала основъ на -у- не могла распространяться. Однакожъ, рассмотря предлежащія формы безъ предубѣжденія, найдемъ, что это предположеніе ложно. Точное изслѣдованіе падежныхъ формъ славянскихъ докажетъ: 1) что къ склоненію основъ на -у- принадлежитъ болѣе формъ нежели обыкновенно предполагается; 2) что въ самомъ дѣлѣ основы на -у- были источникомъ чрезвычайно далеко распространившейся аналогіи.

Нынѣшняя сравнительная грамматика, по моему мнѣнію, слишкомъ мало обращаетъ вниманія на аналогію. Поэтому особенно стоитъ наблюдать очень занимательный и поучительный примѣръ сильно дѣйствующей аналогіи, происшедшей изъ основъ на *-y-* въ славянскихъ нарѣчіяхъ.

И такъ не бесполезно будетъ собирать всѣ падежныя формы славянскихъ нарѣчій, принадлежащія первоначально къ склоненію основъ на *-y-*. Мы найдемъ, что, хотя формы основъ на *-y-* и на *-a-* смѣшивались, однакожь формы, принадлежащія основамъ на *-y-*, во всѣхъ падежахъ сохранились; поэтому можно будетъ составить полный образецъ склоненія основъ на *-y-* въ славянскомъ точно также, какъ и въ другихъ древнихъ языкахъ нашего племени.

Сравнивать родственные языки въ этой статейкѣ я не намѣренъ; въ этомъ отношеніи здѣсь будетъ приведено только то, что казалось необходимымъ. О сравненіи другихъ индогерманскихъ языковъ съ славянскимъ я писалъ въ компендіумѣ (второе изданіе, Веймаръ, 1866). Однакожь не излишнимъ будетъ прежде всего замѣтить, что литовскій языкъ, близнецъ славянскаго, и въ употребленіи формъ основъ на *-y-* у основъ первоначально оканчивающихся на *-a-* (*-я-*), очень похожъ на славянскій (ср. кромѣ компендіума статейку I. Шмидта въ *Beiträge*, IV, стран. 257 и слѣд.).

Въ настоящемъ отрывкѣ будемъ прежде говорить о падежахъ порознь, а въ концѣ составимъ образецъ склоненія основъ на *-y-*.

Именительный единственнаго числа *).

Именительный ед. ч. основъ на *-y-* не можетъ различаться отъ того же падежа основъ на *-a-*, потому что и первобыт-

---

*) Кромѣ сокращеній общеупотребительныхъ въ предлагаемой статьѣ находятся еще слѣдующія: дрб. (древнеболгарскій), нб. (новоболгарскій), с. (сербскій), сл. (словенскій), р. (русскій), мр. (малороссійскій), п. (польскій), ч. (чешскій), дрч. (древнечешскій), нч. (новочешскій), слц. (словацкій), вс. (верхнесорабскій), нс. (нижнесорабскій), осл. (основной славянскій).

ное и *) и а въ славянскомъ языкѣ совпадаютъ въ одинъ звукъ (Комп. §§ 78, 82). Сродные языки доказываютъ, что напр. основы дрб. *szynz-*, *medz-* суть дѣйствительныя основы на -у-, ср. литовскія *sūpu-*, *medu-*, готское *supu-*, древне-нѣмецкое *mētu-*, древнеиндійское *sūpu-*, *madhu-*, греческое *μέζυ-*. Именительный ед. ч. основы *supu-* въ индогерманскомъ праязыкѣ былъ *supu-s*. Въ славянскихъ языкахъ существуютъ слѣдующія формы: дрб. *szynz*, *medz*; нб. безъ члена *sin*, *med*, съ членомъ *sinŭ-t*, *medŭ-t*, или *sinó-t*, *medó-t* (*sinó*, *medó*); въ другихъ нарѣчійхъ конечный звукъ совсѣмъ исчезъ; с *sin*, *méd*; сл. *sin*, *méd*; р. сынъ, мѣдъ; мр. *sin*, *mid* (это нарѣчіе я пишу фонетическимъ письмомъ и по этому латинскими буквами; знакъ ' значить смягченіе согласныхъ); п. *syn*, *miód*; ч. *syn*, *med*; вс. *syn*, *méd*; нс. *syn*, *mod*. Осл. формы по нашему были *sūpŭ*, *medŭ* (*ŭ* выражаетъ неясную гласную, въ родѣ англійскаго *u* въ *but*); что, конечно, здѣсь не будемъ доказывать.

Винительный ед. ч.

Форма винительнаго ед. ч. въ индогерманскомъ праязыкѣ *supu-m*, лит. *sūpu*, т. е. *sūpu-n* (эта форма, можетъ быть, еще существуетъ въ нарѣчійхъ), гот. *supu* вмѣсто *supu-n и т. д., въ славянскомъ языкѣ не могла различаться отъ формы именительнаго того же числа *supu-s*, лит. *sūpūs*, гот. *supu-s*, по тому, что въ славянскомъ языкѣ всѣ крайнія согласныя исчезаютъ (Комп. § 183). Сюда не относится то обстоятельство, что въ существующихъ славянскихъ нарѣчійхъ у существительныхъ одушевленныхъ вмѣсто винительнаго употребляется почти безъ исключенія родительный падежъ основъ на -а- (сына и т. д.). И такъ винительный ед. ч. основъ *synŭ-*, *medŭ-*: дрб. *szynz*, *medz*; нб. *sin*, *sinŭ-t*, *sinó-t*, также *sinŭ mi*, на *sinŭ mi* (моего сына; Миклош., ср. грамм. III, § 377, стр. 225), *med*,

*) Первобытныя формы и звуки здѣсь напечатаны латинскими буквами.

medŭ-t, medó-t; с. мѣд; сл. mѣd; р. мѣдъ и т. д. Слѣдовательно мы предполагаемъ, что и въ славянскомъ основномъ языкѣ форма этого падежа совпадала съ формою именительнаго: sŭnŭ, medŭ.

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ МНОЖЕСТВЕННАГО ЧИСЛА.

Индог. праяз. supava-s, древне-инд. sŭpávas, дрб. sŭmsk-ε (о формахъ этого падежа на -и, принадлежащихъ къ основамъ на -а-, во встрѣчающихся и у основъ на -у-, напр. sŭни, мы здѣсь говорить не будемъ). Это -окε отъ основъ на -у- часто переходитъ къ основамъ на -а- (взлковε и т. д.), и въ нѣкоторыхъ нарѣчьяхъ это окончаніе -ове получило особенное значеніе (ср. Über -v- (-ov-, -ev-) vor den Casusendungen im Slawischen; Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien, 1852 г., февраль; тамъ однакожъ происхождение этой формы объяснено не вѣрно). Нб. sŭnov-ε; въ этомъ нарѣчьи встрѣчается и -ovi (напр. dĕdovi), т. е. древняя форма измѣнилась по аналогіи основъ на -а-, у которыхъ, какъ извѣстно, именительный множ. ч. муж. рода оканчивается на -и-; с. сŭнови, какъ и въ новоболгарскомъ; древняя форма синов-ε сохранилась въ хорватскомъ нарѣчьи; въ сл. также, какъ и въ сербскомъ нарѣчьи: sŭnovi, рѣже sŭnov-e (Миклош. III, § 289); р. очень рѣдко и только въ народной словесности встрѣчается окончаніе -ове (Микл. III, § 610), напр. татарове (о формѣ сыновья, у которой только сынов- принадлежитъ къ основѣ на -у-, здѣсь мы толковать не будемъ); мр. sŭnov-e; въ этомъ нарѣчьи -ове употребляется чаще нежели въ русскомъ; въ западно-славянскихъ нарѣчьяхъ -ове принадлежитъ къ числу любимыхъ окончаній; п. sŭnow-ie; ч. sŭnov-ε (слц. -ovie, -ovia); вс. sŭnov'e и, по большей части, sŭnojo т. е. *sŭnov-jo (jo = je = e); нижне-сарабское нарѣчье утратило эту форму.

Какъ осл. форму мы по этому предполагаемъ sŭnov-e.

Винительный множ. ч.

Въ винительномъ множ. ч. нѣтъ различія между формами основъ на -у- и основъ на -а-. Въ слѣдствіе звуковыхъ законовъ славянскаго языка первобытныя окончанія -и-ns и -а-ns (ср. гот. *sūni-ns*, *vulfa-ns*) слились въ одну форму, точно также, какъ въ именительномъ единственнаго числа первобытныя -и-ns и -а-ns и въ винительномъ ед. ч. -и-м (-и-п) и -а-м (-а-п). Какъ тамъ, такъ и здѣсь не надобно предполагать, что аналогія основъ на -а- перешла на основы на -у- или наоборотъ. Точно также, какъ напр. *szimz* = *sūni-m*, *sūni-s*, а *вазкз* = *vaŕka-m*, *vaŕk-as*, и въ винительномъ множ. ч. дрб. *szimzı* = гот. *sūni-ns*, а *вазкзı* = гот. *vulfa-ns*. И въ литовскомъ языкѣ въ этомъ падежѣ основы на -у- и на -а- не различаются: *sūnūs*, *vilkūs*. Формы на -сзкзı, -взкзı, какъ и подобныя формы другихъ падежей, къ основамъ на -у-, -о- прибавляютъ падежное окончаніе основъ на -а-; такія формы часто встрѣчаются и въ другихъ нарѣчіяхъ и отнюдь не только у первобытныхъ основъ на -у-, отъ которыхъ впрочемъ произошло это -о-, -е-. Въ новоболгарскомъ употребляется форма именительнаго и для винительнаго. Въ сербскомъ и словенскомъ нарѣчіяхъ аналогія тѣхъ формъ, которыя въ древнеболгарскомъ кончаются на -а, здѣсь также вытѣснила древнее окончаніе *zı* (сїне, *sīne*, т. е. *szima *); сїнове, *sīnove*, т. е. *szimova) и такъ сербо-словенскія формы этого падежа сюда не принадлежатъ. Р. сыны, по формѣ винительный, но употребляемое какъ именительный мн. ч. (у одушевленныхъ, какъ извѣстно, въ русскомъ и западныхъ нарѣчіяхъ употребляется форма родительнаго въ значеніи винительнаго); мр. какъ и въ русскомъ, *sinı*. П. *domu* (дома основа на -у-; ср. род. един. ч. *domoу*, мѣстительн. ед. ч. *domoу*), *synu (ср. *woły*, *iść w chłory* и т. п.; *Małeckiego gram. jez. polsk. § 136*) не употребляется; вмѣсто вин. у именъ личныхъ

*) * значить неупотребительныя формы.

стоитъ род. въ значеніи винительнаго; ч. *synu*; вс. *synu, *domu*, и нс. *synu, *domu*; эта форма является только у неодушевленныхъ.

Именительный-винительный двойственнаго числа.

Въ древне-индійскомъ языкѣ *sūpū* (формы индогерманскаго праязыка для этого падежа нельзя вывести съ достовѣрностію), лит. *sūpū*. Этимъ формамъ вполне соотвѣтствуютъ формы дрб. *szinzi*, *kozzi*, *polzi*; дрч. *obrazu*, *zgaku* и др.; по этому въ дрч. форма основъ на *-y* переносилась и на основы на *-a-*, что въ славянскихъ нарѣчіяхъ такъ часто случается и въ другихъ падежахъ. Изъ словенскаго нарѣчія Миклошичъ (III, § 276) приводитъ одинокую форму *sinu*. Кромѣ этого употребляется форма основъ на *-a-*. Въ основномъ славянскомъ языкѣ этотъ падежъ по приведеннымъ формамъ древне-болгарскаго, древне-чешскаго и словенскаго нарѣчій былъ *sūpū*.

Мѣстительный и дательный ед. ч.

Сравнительная грамматика индогерманскихъ языковъ доказываетъ, что почти всѣ формы дательнаго падежа нашего племени первоначально были не дательными, но мѣстительными формами. Такъ и у основъ на *-y* въ славянскихъ языкахъ дательный и мѣстительный падежи на *-оки*, *-оки* и *-оу* должны быть формою мѣстительною; т. е. *-оки*, *-оки* и *-оу* соотвѣтствуютъ мѣстительному индогерманскаго праязыка *supav-i*, др.-инд. *sūpāv-i*, гот. *supau*, т. е. *supavi (Комп. § 113, 3), а не дательному индог. праяз. *supav-ai*, др.-инд. *supāv-ā*. Полное *-и* не рѣдко сохраняется въ славянскомъ на концѣ словъ (ср. Комп. § 88, 3). Хотя формы на *-оки*, *-оки* въ нѣсколькихъ примѣрахъ сливаются съ формами на *-оу*, однакожъ окончанія *-оки* и *-оу* такъ различны, что нужно отдѣльно изслѣдовать и то и другое.

1. Формы на -оки, -ока.

Дрб. *сѣино-и*; посредствомъ аналогіи эта форма перешла и на основы на *-а-*, напр. *когоки* (др.-инд. основа *bhaga-*, др.-персид. *bagā-*), *мѣжки* и т. д. Въ значеніи нарѣчія находится и *домоки* (*оїмаде domum*) и *домока*, ср. *долова* (*жѣтѣ deorsum*), обыкновенно, по исчезновеніи конечнаго *-а*, *долоу*. Здѣсь *-и* существуетъ подлѣ *-а*, какъ напр. и въ *црѣкѣки* подлѣ *црѣкѣка*, *са-ти* подлѣ *кс-та*. Въ сербскомъ нарѣчіи это окончаніе встрѣчается только въ днѣви; сл. *sinóvi* и др. (*-ови* по аналогіи многочисленныхъ формъ на *-и*), *domov* (Микл. III, § 276), *domú*, *domó* = *домока*. Въ русскомъ сюда принадлежатъ только *домой* (*оїмаде*), *долой* (*жѣтѣ*) изъ *домока*, *долова*. Въ мр. окончаніе *-ови* встрѣчается не рѣдко: *sinovi*, *koíovi* и *koněvi*; *domív*, какъ и въ другихъ нарѣчіяхъ. Въ польскомъ *-ови* употребляется очень часто: *synowi*, *koníowi* и т. д.; формы *domu* (*domum*), *dołu* (*deorsum*; ср. сл. формы) доказываютъ, что *-и* = *-ови*, изъ котораго оно произошло сокращеніемъ; ч. *synovi*, *vlkovi*, *mužovi*, дрч. *muževi* и т. д.; эта форма часто встрѣчается какъ дательная и мѣстительная у именъ муж. рода, если при нихъ нѣтъ прилагательнаго; дрч. *domóv*, *dolóv*, нч. *domú*, *dolú* черезъ отпаданіе *-v* = *ví*; вс. *synovi* и *synoj*, т. е. *synoví, устарѣли и сохранились только въ нарѣчіяхъ, ср. *domoj*; устарѣли и формы на *-evi* и *-eji*, т. е. -*evji; теперешняя форма дательнаго мужескихъ есть *-ej* — сокращеніе изъ *-evi*, *-eji*, слѣдовательно *synej*, *dubej* и т. п. Нс. *synoj*, т. е. *synoví (теперь по большей части *synoju*, черезъ прибавленіе окончанія *-и* къ древнѣйшей формѣ; ср. сл. *-ови*); *domoj*, *dołoj* и здѣсь совпадаютъ съ *synoj*. Изъ этихъ формъ славянскихъ нарѣчій слѣдуетъ осл. *sūnovi*, *domov-i* въ качествѣ дательнаго падежа основъ на *-у-*.

2. Формы на -оу.

Уже приведенныя *долоу*, сл. *domú*, н. *domu*, *dołu* рядомъ съ *долова*, *домока*, *домоки* доказываютъ, что окончаніе *оу* есть только сокращеніе древнѣйшаго *-оки*, *-ока*; слѣдовательно и формы мѣстительнаго и дательнаго падежей на *-оу* произошли отъ

основъ на *-у-* и отсюда въ слѣдствіе аналогіи перешли на основы на *-а-* мужескаго и средняго рода, у которыхъ *-оу*, какъ извѣстно, образуетъ дательный падежъ. У основъ на *-у-* на-противъ это окончаніе *-оу* свойственно мѣстительному падежу. Мы полагаемъ, что такимъ образомъ у основъ на *-у-* первобытный мѣстительный на *-ав-і* раздѣлился уже въ основно-славянскомъ языкѣ на двѣ формы, изъ которыхъ одна, полнѣйшая, *sūpov-i*, служила для выраженія дательнаго, другая, сокращенная, *sūpou*, употреблялась какъ мѣстительный основъ на *-у-*. Позже и это *-оу* перешло въ этомъ значеніи въ дательный, и распространилось очень далеко. Дрб. мѣст. *szinsy*, *domou* и друг.; дат. у всѣхъ основъ на *-а-* муж. и средн. рода: *vlzkoу*, *konю*, *krаю*, *dъloу*, *polю*, *noкoу*, *tomcy* (основа первобытно *tasma-*) и т. д. точно такъ, какъ и въ литовскомъ языкѣ *sūpui*, *vilkui*, *dàlgiai*, *tâšui* и т. д. И въ литовскомъ языкѣ особенно формы основъ на *-ja-* смѣшиваются съ формами основъ на *-ju-*, что и въ славянскомъ можно встрѣтить часто. Въ нб. удержалось нѣсколько такихъ дательныхъ у именъ личныхъ, рѣже у другихъ, напр. *Stojany*, *bogu* (Миклош. III, стр. 377). С. дательный мѣстительный *сѣну*, *дому*, *вѣку*, *кѣну*, *дѣлу*, *пѣлу*, *кѣму* и т. д.; сл., какъ и въ с., дат.-мѣст. *sīnu*, *voļku*, *koņu*, *dēlu*, *poļu* (въ формахъ *tatōvu*, *možēvu* и т. п. прибавляется это *-и* къ основамъ на *-ov-*; *-ev-*, происшедшимъ изъ аналогіи основъ на *-у-*; также точно нерѣдко образовались и другіе падежи). Въ русскомъ встрѣчается мѣстительный на *-у* только у извѣстныхъ словъ при предлогахъ, напр. въ саду, въ дому; дательный—какъ и въ другихъ нарѣчійхъ: сыну, волку, коню, дѣлу, полю, тому и т. д. Въ мр. окончаніе *-и* употребляется послѣ гортанныхъ звуковъ и какъ мѣстительный: *duchu* и т. п.; какъ дательный такъ, какъ и въ другихъ нарѣчійхъ: *rapu*, *koņu*, *dīļu*, *poļu*, *tbmи*. П. въ *supu*, *domu*, *rapu*, отъ которыхъ двѣ первыхъ, какъ извѣстно, основы на *-у-*; далѣе послѣ гортанныхъ и мягкихъ согласныхъ какъ мѣстительный: *w bogu*, *uchu*, *koniu*, *polu*; дат. *rapu*, *koniu*, *dzieļu*, *komu* и проч.

Ч. мѣстительный на -и у одушевленныхъ муж. рода и послѣ гортанныхъ согласныхъ: synu, rapu, bŕehu, uchu; дат. дрч., нч. synu, viku, дрч., слц. koŕu, mužu, нч. koni, muži (i=j), дрч., нч. dĕlu, дрч., слц. poŕu, нч. poli, komu и т. д. Вс. мѣст. gohu, koŕu, požu, poŕu, moŕu; -и послѣ мягкихъ согласныхъ употребляется какъ окончаніе мѣстительнаго, но часто и у другихъ именъ муж. рода; дательный у муж. рѣдко оканчивается на -и, напр. bohu, času, duchu; у среднихъ, какъ и въ другихъ нарѣчіяхъ, džĕlu, moŕu, poŕu; нс. мѣстительный на -и послѣ гортанныхъ и шипящихъ: buku, mužu, kraŕu, встрѣчается и synu; huchu, ĩesu, poŕu.

Родительный ед. числа.

Древне-индійской формѣ sūnō's, т. е. *sūnaus, гот. sunaus, лит. sūnaús, medaús вполне соответствуетъ осл. sūnoу, medou. И подлежащія формы славянскихъ нарѣчій подтверждаютъ, что такова была форма этого языка, изъ котораго онѣ произошли. Въ родительномъ ед. числа формы основъ на -у- и основъ на -а- муж. рода смѣшиваются такъ, какъ напр. въ мѣстительномъ. Первобытныя основы на -а- могутъ принимать окончаніе формъ на -у- и наоборотъ. Дрб. mĕdoу, do-moу (очень часто), колоу и др. Въ сербскомъ нарѣчій я не нахожу такой формы, но въ сл. у односложныхъ часто встрѣчаются такія формы какъ sinú, medú (sinóva и здѣсь образовалось черезъ прибавленіе окончанія основъ на -а- къ основной формѣ на -оу- основъ на -у-). Въ русскомъ нарѣчій, какъ извѣстно, окончаніе основъ на -у- получило особенное значеніе родительнаго количества, но и кромѣ этого эти формы на -у-, напр. мѣду, дому, существуютъ, кажется, болѣе въ простонародной рѣчи нежели въ книжномъ языкѣ. Въ мр. эта форма обыкновенна у неодушевленныхъ муж. рода, medu, domu; подобно въ польскомъ ('powszechnéj reguły na to nie ma'; Małeck. грамм. § 124), miodu, domu, и въ чешскомъ, medu, domu;

въ древне-польскомъ и дрч. аналогія основъ на *-y-* еще болѣе ограничена. Въ вс. и нс. *-и* часто употребляется у односложныхъ неодушевленныхъ именъ, напр. вс. *medu, domu*, нс. *modu, domu*.

РОДИТЕЛЬНЫЙ МНОЖ. ЧИСЛА.

Какъ греч. *γλυκέϊ-ων* и гот. *suniv-ē*, такъ и славянская форма родит. множ. числа основъ на *-y-* предполагаетъ первобытную форму *sunav-ān*, т. е. конечное *-и*- основъ предъ окончаніемъ падежа поднялось въ *-av-*. Форма этого падежа отъ основъ на *-y-* позже перешла въ славянскихъ нарѣчіяхъ не только на основы на *-a-* мужскаго рода, но отчасти и далѣе, такъ что это окончаніе въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ считается суффиксомъ падежа. Вотъ славянскія формы род. мн. ч. основъ на *-y-*: Осл. *synov-ŏ*; дрб. *szimok-z*, *volok-z*, *domok-z* и пр. (о формахъ основъ на *-a-*, которыя находятся и у основъ на *-y-*, напр. *szimz*, мы здѣсь не говоримъ); въ хорватскомъ нарѣчіи, какъ въ дрб., *волов*, *синов*; въ с. нарѣчіи къ старой формѣ родительнаго прибавляется еще окончаніе мѣстительнаго основъ на *-a-*, т. е. *-a*, *-ah*; напр. *sinov-ā*, *sinov-ah*; *volov-ā*, *volov-ah* = *szimok-ahz, *volok-ahz; ср. русское *-axъ* во всѣхъ родахъ; въ подрѣчіяхъ вмѣсто *-ah* встрѣчается и *-ish*, т. е. мѣст. мн. основъ на *-y-* (и *-i*, *-ih*, т. е. *-tchz* находится у существительныхъ муж. рода). Предъ этимъ новымъ окончаніемъ всѣ основы сохраняютъ ту форму, которую онѣ имѣли бы безъ него*); изъ этого слѣдуетъ, что эти формы образовались очень поздно, что, впрочемъ, можно уже видѣть изъ того, что хорватское подрѣчіе сербскаго нарѣчія до сихъ поръ сохраняетъ древнія формы род. множ. числа. Сл. *sinov*, какъ въ дрб. и въ хорв.; это *-ov* здѣсь такъ распространилось, что образовались такія формы какъ *možev-ov*, *dnjev-ov*, которыя доказываютъ, что *-ov* принималось

*) Этимъ устраняются сомнѣнія Миклошича (III, § 424) о происхожденіи сербскихъ формъ родительнаго множ. числа посредствомъ окончанія мѣстительнаго.

за падежное окончание род. мн. ч. Въ русскомъ -овъ, -евъ сдѣлалось обыкновеннымъ окончаніемъ почти всѣхъ существительныхъ мужскаго рода: сыновъ (сыновей и подоб. еще прибавляютъ другое окончаніе -ей, которое распространилось черезъ аналогію отъ основъ на -и- (костей, людей), какъ-овъ, -евъ отъ тѣхъ на -у-), волковъ, краевъ и т. д., даже у извѣстныхъ словъ средняго рода употребляется это окончаніе, напр. жильевъ; мр. вообще какъ р.: *siniv, vořiv, rařiv*; въ другихъ нарѣчіяхъ *siřiv, vořiv, rařiv, krařiv* и др. Въ польскомъ -ów обыкновенное окончаніе не только у мужскихъ — *synów, wołów, królów, krajów* — но находятся и такія формы у основъ средняго рода, напр. *chłopiśków* (им. ед. *chłopiśko*); даже отъ женскихъ основъ есть примѣры: *śmów* (вмѣсто *śiem*), им. ед. *śma* (тѣла), *wszów* (рядомъ съ *wszy*), им. ед. *wesz* (вѣша), основа на -i. Дрч. -ów, послѣ мягкихъ -ев, слц. -ов, нч. -ів (только въ книгахъ), -ů у муж. основъ на -у-, -а-, -ја- употребляется почти исключительно: *synů, vlků, dubů, mužů, koňů* и т. д. Въ вс. -овъ стало общимъ окончаніемъ родительнаго множественнаго числа; изъ формъ этого падежа у другихъ основъ сохранились только рѣдкіе остатки; *synov, veřkov, mužov, slovon, rořov, řeřatov, řeřeňov, rybov, koscov, mařerov, cugkvov*. Точно такъ и въ нс.: *synov, veřkov, mužov, slovon* и т. д.

Обозрѣніе этой аналогіи, происшедшей отъ основъ на -у-, въ дрб. только что начинавшей дѣйствовать, распространяющейся постепенно болѣе и болѣе по нарѣчіямъ и достигнувшей наконецъ въ сорабскихъ нарѣчіяхъ почти исключительнаго господства, очень занимательно и поучительно.

Родительный-мѣстительный двойственнаго числа.

Окончаніе этого падежа въ древне-инд. языкѣ -*ṣ*, т. е. *-*aus* совершенно сходствуетъ съ окончаніемъ славянскаго языка -*ou*, -*u*. Потому, что въ родительномъ множественнаго числа конечный звукъ основъ на -у- предъ окончаніемъ этого падежа -*z*,

-ŭ = *-a, -āth явился въ поднятой формѣ -ov-, мы предполагаемъ, что этимъ образомъ, можетъ быть вслѣдствіе вліянія аналогіи родительнаго множ. числа, и образовался родительный двойственнаго числа. Слѣдовательно этотъ падежъ въ основномъ славянскомъ языкѣ былъ sŭnov-ou изъ еще древнѣйшаго sŭnav-aus. Эта форма въ дрб. сохранилась только въ двухъ примѣрахъ (Миклош. III, § 17, стр. 26): szinov-ou, staznok-ou. Кромѣ этого основы на -y- слѣдуютъ аналогіи основъ на -a- (szinov) какъ и въ нарѣчіяхъ с., сл., р., мр., п. и ч. Только въ сорабскихъ нарѣчіяхъ сохранилось окончаніе этого падежа основъ на -y-; въ нс. оно сдѣлалось общимъ окончаніемъ всѣхъ основъ, какъ -ov въ родит. множ. числа: sŭnovu, veikovu, słovovu, gubovu, koscovu, źrebetovu и т. д. Въ вс. еще столѣтіе тому назадъ употреблялось, какъ въ нс., sŭnovu и т. д. (Миклош. III, § 902, стр. 518); теперь вмѣсто родит. двойств. числа употребляется родит. множ. числа.

Мѣстительный множ. числа.

Окончаніе мѣстительнаго множ. числа основъ на -a- есть дрб. -t-χz = древне-инд. -ē-ṣu, древне-бактрійскому -aē-ṣu, -aē-ṣva, греч. -σι-σι. Слѣдовательно окончаніе дрб. -z-χz, обыкновенно -o-χz, не можетъ быть окончаніемъ основъ на -a-, какъ думалъ до сихъ поръ я самъ и, кажется, Миклопичъ (III, § 4, стр. 6; § 6, стр. 13). Это окончаніе -z-χz, -o-χz безъ сомнѣнія принадлежитъ къ основамъ на -y-; дрб. szina-χz, szino-χz = др.-инд. sŭnī-ṣu; -z-χz = др.-инд. -uṣu, древне-бактрійск. -uṣu, -uṣva, греч. -υ-σι. Что и въ этомъ падежѣ въ славянскомъ языкѣ формы основъ на -y- и на -a- смѣшиваются, о томъ нечего и говорить. За форму мѣст. множ. числа основнаго славянскаго языка мы должны предположить по звуковымъ законамъ sŭno-sŭ, domŭ-sŭ. Вотъ подлежащія формы этого падежа въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Дрб. domz-χz (Остром. ев.), по обыкновенію съ o = древн. z, domo-χz, szino-χz, кра-

кхъ, т. е. *крајо-снѹ, *крајѹснѹ по звуковымъ законамъ. Эта форма мѣстительнаго множ. числа дала поводъ окончанію -зихъ сложнаго склоненія прилагательныхъ, напр. новзихъ = *новз-ихъ (ср. новзій, новз-и) изъ *новз(хъ) ихъ, т. е. повѹ(снѹ) јѣснѹ. Это -охъ точно также какъ -ѣхъ прибавляется къ основамъ на -ок-, напр. часовохъ, часовѣхъ, подобнымъ же образомъ какъ и окончаніе другихъ падежей множ. числа. Въ с., сл. и р. нѣтъ примѣровъ; только въ малоросс. встрѣчаются рѣдкія формы какъ воѹосн, коѹосн (Миклош. III, § 510, стр. 279). Въ древнепольскихъ памятникахъ напротивъ того часто встрѣчаются формы на -осн: synosn, krajosn, koniosn, и у именъ средняго рода: działosn, polosn; это окончаніе даже распространилось на основы на -и-: ludziosn, dnosn, kameniosn. Сюда принадлежитъ ч. -ech (e = z), сл. осн: synesch, dubesch, сл. synosch, dubosch, mužosch, Јуд'osch (какъ въ п.); въ вс. встрѣчаются только одинокіе остатки этого окончанія: воѹосн (колз основа на -у-), коѹосн, Јуд'žosch; въ пс. это окончаніе исчезло также, какъ и въ р.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ЕД. ЧИСЛА.

Литовской формѣ sūpu-mī вполне соотвѣтствуетъ дрб. szynz-ma, позже szynoma. Формою осл. мы предполагаемъ sūpu-mī. Отъ основъ на -у- окончаніе этого падежа перешло на всѣ основы на -а- и -ја- муж. и средняго рода: вѣзкѣ-ма вѣзко-ма, конк-ма, т. е. *конјо-мī изъ *конјѹ-мī, дѣлѣ-ма, дѣлѣ-ма, полк-ма, краима = *краѣ-ма изъ *крајѹ-мī и крак-ма = *крајо-мī, *крајѹ-мī. Подобное преобладаніе формъ основъ на -у- мы уже встрѣтили въ дательномъ ед. числа, въ именительномъ и родительномъ множ. числа. Эта форма творительнаго ед. числа на -з-ма, -о-ма не можетъ принадлежать къ основамъ на -а-, какъ до сихъ поръ предполагалъ я и другіе. Творительный ед. числа основъ на -а- долженъ быть въ славянскомъ по звуковымъ законамъ этого языка напр. *вѣзкж = лит. vilkù, древне-

верхне-нѣм. *wolfu*, основная форма этого падежа *varkā-mi* (ср. Комп. § 269), точно также какъ въ 1-мъ лицѣ наст. врем. индог. праяз. *vaghā-mi* = слав. вѣж = лит. *vežù*; индог. праяз. *bhagā-mi* = слав. вѣж = др.-верх.-нѣм. *bigu*. Можно предполагать, что такая форма на -ж, напр. *вѣжж была для Славянъ какъ-то неловкою и неясною (ср. винительный ед. числа женскаго рода основъ на -а-, жѣж и т. д.), и что по этому они предпочитали болѣе отличительную и понятную форму основъ на -у-. С. сѣномъ, вѣкомъ, сѣломъ, пѣлемъ, даже пѣтомъ и пѣтемъ, кѣменомъ, тѣлетомъ. Точно такъ въ сл. *sīnom*, *grādom*, *mōžom* и *mōževom* и *mōžem*, *dēlom*, *rōtom* и *rōtem*, *imēnom*, *teletom*; форма на -am (Метелко и Копитаръ въ своихъ грамматикахъ приводятъ всегда это окончаніе) соотвѣтствуютъ, кажется, дрб. формамъ на -zma, потому, что сл. *a* = дрб. *z*. Р. сыномъ, волкомъ, дѣломъ, мужемъ, полемъ, именемъ и т. д.; мр. *sinom*, *ranom*, *hajom*, *pojom*, *konom* и *pojem*, *konem*; п. *synem* = *szinzmā* (п. *e* = дрб. *z*), *wilkiem*, *dworem*, *koniem*, *dzielem*, *pojem*, *imieniem*, *cielęciem*, ч. *synem* = *szinzmā* (ч. *e* = *z*), *vlkem*, *mužem*, *dilem*, *pojem*, *lidem*, *kamenem*, *břemenem*, *teletem*; слц. вездѣ -om: *synom*, *mužom*, *pojom*, *ludom*, *bremeom* и т. д.; вс. -om: *synom*, *veikom*, *mužom*, *slovom*, *pojom*, *nebesom*, *žrěbecom*; то же -om въ вс.: *synom* и т. д.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ МНОЖ. ЧИСЛА.

Древне-индѣйскому *sūnū-bhis*, литовскому *sūnu-mis* по звуковымъ законамъ соотвѣтствуетъ дрб. *szinzmā*-ми и т. д.; изъ этого слѣдуетъ, что осл. форма этого падежа была *sūnō-mī*. Форма этого падежа у основъ на -а- совершенно различна отъ формы основъ на -у-, потому что у основъ на -а- уже давно исчезла начальная согласная *bh*, въ славянскомъ и литовскомъ *m*, падежнаго суффикса -bhis, -mis; ср. напр. древне-инд. *vīkāis*, древне-бактр. *vehrkāis*, лит. *vilkaís*, дрб. *vāzkaí* (-zī изъ -z(m)и; ср.

Комп. § 261, гдѣ я впрочемъ формы основъ на -у- еще не принялъ; и Миклошичъ, III, § 8, стр. 16 также, какъ и я до сихъ поръ, ошибался). Слѣдовательно невозможно, чтобы формы этого падежа на -ами принадлежали къ основамъ на -а-; онѣ правильныя, старыя формы основъ на -у- и славянскій языкъ и въ этомъ отношеніи древнѣе, нежели кажется на первый взглядъ.

Вотъ настоящія формы творительнаго множ. числа основъ на -у- въ славянскихъ нарѣчіяхъ.

Дрб. *сѣина-ми* (Супр.), *гѣхъ-ми* и др., какъ въ другихъ падежахъ, такъ и здѣсь, аналогія основъ на -у- со временемъ распространилась далѣе (Микл. III, § 6); *сѣинок-а* и подобныя формы прибавляютъ, какъ часто и въ другихъ падежахъ, окончаніе основъ на -а- къ основамъ на -ок-, которыя первоначально употреблялись только въ именительномъ и въ родительномъ множ. числа (*сѣинок-е*, *сѣинок-а*), но отсюда перешли и на другіе падежи множ. числа. Въ сербскомъ нарѣчій вмѣсто творительнаго множественнаго числа употребляется творительный двойственнаго числа, какъ и въ простонародномъ русскомъ нарѣчій; напр. *зуб-ма*; обыкновенное окончаніе этого падежа у именъ муж. и ср. родовъ есть *-има* (*зубима*, *синдвима*), о которомъ мы здѣсь толковать не будемъ. Въ подрѣчій хорватскомъ сохранился суффиксъ *-ми*: *зуб-ми*, *синдвими* и *синдвими*. И въ словенскомъ въ этомъ падежѣ является вліяніе позднѣйшей аналогіи, здѣсь находятся формы на *-мі*, *-омі*, *-амі*, *-ов-мі* или *-ев-мі* (*-і*, *-ов-і*, *-ев-і*, въ которыхъ *-і* = *-а*, имѣютъ окончаніе основъ на -а-), изъ которыхъ *-мі* можетъ быть = *-а-ми* и *-а-ми*, между тѣмъ какъ *-омі* = *-а-ми* или лучше = *-о-ми* по аналогіи дательнаго множ. числа на *-о-ма* = *-а-ма* и двойств. числа на *-о-ма* = *-а-ма* и *-амі* можетъ быть = *-а-ми* и = *-а-ми* (сл. *а* = дрб. *а* и дрб. *а*), напр. *zob-mí*, *ráko-mí*, *ráka-mí*, *sinóv-mí* (*sinóv-i*). Въ р. и мр. примѣровъ нѣтъ (здѣсь окончаніе *-ами* вошло въ общее употребленіе). Въ польскомъ старыя формы на *-мі* рѣдки, изъ числа которыхъ сюда принадлежитъ *woł-mi*, т. е. *волъ-ми* (*вола* основа на -у-; это доказываютъ родит. ед. ч. *колоу*, имен.

двойств. ч. *болои*, имен. множ. ч. *болоке*, мѣст. мн. ч. *болоухъ*). Въ чешскомъ *šat-mi* (возлѣ *šatami, šaty*) и другіе подобныя примѣры указываютъ на формы основъ на *-y-*, которыя и въ этомъ нарѣчій почти совершенно исчезли. Въ сорабскихъ нарѣчіяхъ господствуетъ *-ami* (*synami*) по аналогіи основъ на *-a-*, какъ и въ р. и въ мр.; только въ вс. формы этого падежа, *koñemi, ročemi* = **konjomí, *konjŭmi, *roljŭ-mi*, послѣ мягкихъ согласныхъ доказываютъ, что и здѣсь творительный множ. числа по аналогіи основъ на *-y-* не вымеръ безслѣдно.

Дательный множ. числа.

Въ этомъ падежѣ, какъ въ именительномъ и винительномъ ед. числа, формы основъ на *-y-* и основъ на *-a-* должны совпадать потому, что и первоначальное *u* и *a* = слав. *ъ*. Въ индогерманскомъ праязыкѣ этотъ падежъ у основъ на *-y-* былъ напр. *supu-bhjam s* (у основъ на *-a-* напр. *vaŕka-bhjam s*); изъ этого по звуковымъ законамъ отдѣльныхъ языковъ нашего племени произошло древне-инд. *sũpũ-bhjas*, лит. *sũpu-mus*, теперь *sũpũ-ms*, гот. *supu-m* (ср. литов. *vilká-ms*, гот. *vulfa-m* отъ основъ *vilka-*, *vulfa-*), дрб. *сѣмѣ-мѣ (ср. *вѣлкѣ-мѣ отъ основы *vľuka-*), вмѣсто котораго, кажется вездѣ, и въ древнѣйшихъ памятникахъ, *сѣмо-мѣ* является, извѣстнымъ измѣненіемъ стараго *ъ* въ позднѣйшее *о* (ср. творит. ед. числа, дат. двойств. числа, мѣстит. множ. числа). Въ осл. мы предполагаемъ по этому *sũpŏ-mŏ*. О такихъ формахъ какова *сѣнок-смѣ* позднѣйшихъ памятниковъ и толковать нечего. Въ сербскомъ нарѣчій только хорватское подрѣчье сохранило древнѣйшія формы, напр. *сином* (въ сербскомъ и здѣсь употребляется любимое *-има*); сл. *sínom, sínam* (*sinóvom, sinóvam*); ср. что сказано о творительномъ единств. и множ. числа. Въ р. и мр. нарѣчій форма этого падежа основъ на *-y-* исчезла (*-амѣ* употребляется по аналогіи основъ на первоначальное *-ā-*, по большей части женскихъ, какъ *-ами* въ творительномъ множ. числа и *-ахъ* въ мѣстительномъ того же числа). П. *synom, ч. synŭm, дрч. synŏm, сщ. synom; въ*

вс. сохранилось только *voŋo-m* (Pfuhl Laut- und Formenlehre der oberlausitzisch-wendischen Sprache, Bautzen 1866, § 37) = **кoлз-мъ, колo-мъ*; за исключеніемъ этого примѣра вездѣ встрѣчается окончаніе *-am* (какъ и въ русскомъ), которое и въ нс. вытѣснило древнѣйшія окончанія почти безъ слѣда.

ДАТЕЛЬНЫЙ-ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ДВОЙСТВ. ЧИСЛА.

И здѣсь основы на *-у-* и основы на *-а-* должны совпадать точно такъ, какъ и въ дательномъ множественнаго числа. Формы этого падежа въ индогерманскомъ праязыкѣ напр. *supu-bhjam s*, древне-инд. *sūpū-bhjam*, литов. *sūpū-m*, осл. *sūp-q-mja* (Комп. § 262), дрб. *сѣинъ-ма, кoлз-ма, полз-ма* (полз основа на *-у-*; ср. родит. ед. ч. *полоу*, мѣст. ед. ч. *полоу*, имен.-вин. двойств. ч. *ползи*; Миклош. въ словарѣ и въ сравн. грамм. III, § 8), обыкновенно *сѣино-ма* (*o = z* какъ часто). Въ с. суффиксъ *-ма* употребляется, какъ выше сказано, въ значеніи дательнаго множественнаго числа; сл. *sīno-ма, sīna-ма* (*sīnovo-ма, sīnova-ма*; ср. дат. множ. ч. и творит. того же ч.). Въ р. этого падежа нѣтъ; въ мр. формы какъ *vercho-ма* (Миклош. III, § 510, стр. 279) встрѣчаются рѣдко (*врѣхъ* основа на *-у-*; ср. род. и мѣст. ед. ч. *врѣху*, имен. множ. *врѣхове* рядомъ съ формами этихъ падежей по аналогіи основъ на *-а-*; лт. осн. *virszu*). Только древне-польскій и простонародный польскій языкъ (Миклош. III, § 797) сохранили этотъ падежъ: *laso-ма, groszo-ма, zakon-ма* и др.; по этому въ древне-польскомъ нарѣчїи можно предполагать и *supo-ма*; дрч. *supo-ма*; вс. *supo-маj* (и именительный двойственнаго числа здѣсь кончается на *-aj* вмѣсто *-a*); нс. *supo-ма* (здѣсь сохранилось древнее окончаніе *-та*).

ЗВАТЕЛЬНЫЙ ЕД. ЧИСЛА.

Древне-индійскому *sūpō*, лат. *sūpaū*, *brōliāu* (основа *brōliā-* и *brōliu-*), гот. *supau* вполне соответствуетъ осл. *sū-поу*, которое мы должны вывести изъ лежащихъ формъ. Вотъ онѣ. Дрб. *сѣиноу* (рѣже *сѣине* по аналогіи осно въ на *-а-*) какъ и въ литовскомъ языкѣ употребляется звательный на *-оу*

особенно послѣ мягкихъ согласныхъ, т. е. послѣ первобытнаго *j*, напр. м.жжѡу, покѡу; въ с. только у послѣднихъ: кѡѡу; въ сл. звательный почти исчезъ; въ р. форма сыну встрѣчается только въ народной нѣсни: «потерять тебѣ, сыну, буйну голову» (Миклош. III, § 602 изъ Сахарова, Сказанія Русскаго народа, Спб. 1841—1849); мр. *sinu, didu* (и *sine, dide*) и пр., особенно при гортанныхъ согласныхъ: *čeloviku, voľku, šnihu, strijku*; при мягкихъ звукахъ какъ и въ дрб.: *koŋu*. Въ п. очень часто: *synu, dziadu*; при гортанныхъ: *synku, duchu* (дрп. *duenze*); при мягкихъ: *koniu, kraju*; аналогія этихъ формъ распространялась даже на имена женскія: *Magynku, Kasiu, rybciu, ciotuniu*; ч. *synu*; при гортанныхъ: *hochu, duchu*; при мягкихъ: дрч., слц. *muži*, вч. *muži* (нч. *i* послѣ мягкихъ согласн. = *и*). Въ вс. въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ дрб., мр., п. и ч. употребляется звательный на *-су-, -и*, встрѣчается зват. на *-о*, напр. *syno, roho, duchu, bruko, požo, krajo*; и *vozo, časо, darо, Janо*, и др. Потому, что ни въ этомъ нарѣчій ни въ какомъ либо другомъ *о = су* не встрѣчается, я еще сомнѣваюсь, чтобы эти формы звательнаго на *-о* совершенно соответствовали формамъ на *-у* другихъ нарѣчій, какъ предполагаетъ Миклошичъ (III, § 902, стр. 518) и Фуль (§ 30); ср. и вс. *božo = коже (jo = je)*. И въ нб. и п. есть звательные мужескихъ именъ на *-о*, о которыхъ я думаю, что они образовались посредствомъ вліянія другихъ аналогій. По этому высказаться рѣшительно о происхожденіи этихъ формъ звательнаго на *-о* въ вс. нарѣчій я не въ состояніи. Что звательный вс. на *-о* произошелъ изъ формъ на *-су-, -и*, слѣдуетъ изъ того обстоятельства, что *-о* въ вс. встрѣчается тамъ, гдѣ *-су-, -и* въ другихъ нарѣчій; кажется, что вліяніемъ аналогіи такихъ формъ, какъ вс. *božo*, нс. *knežo* — сходство обѣихъ нарѣчій свидѣлствуетъ о древности этого окончанія — первобытное *-и* измѣнилось въ *-о*. Въ нс. особой формы для звательнаго уже нѣтъ (только сохранились *knežo = княже — jo = je — и kovale*; оба примѣра сюда не принадлежатъ).

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Въ этой статейкѣ полабское нарѣчіе еще не принято въ соображеніе. Подробную, на сколько возможно, грамматику этого важнаго для сравнительной славянской грамматики нарѣчія я теперь пишу съ помощью печатныхъ и рукописныхъ пособій. Во всѣхъ главахъ моего сочиненія я обращу вниманіе на полабское нарѣчіе, которое наиболѣе сродно съ кашубскимъ, слѣдовательно и съ польскимъ, а потому въ ряду славянскихъ нарѣчій мѣсто полабскому — послѣ польскаго.

	Индогерм. языкъ, отъ др.-инд	Польскій.	Чешскій.	Верхне-сараб.	Нижне-сараб.
Ед. ч. Им.	sunu-s	syn, miód	syn, med	syn, méd	syn, mód
Вин.	sunu-m	miód	med	méd	mód
Дат.	sunav-i (м)	synow-i	synov-i;	synov-i, synoj, synev-i, syneji, synej;	synoj,
		domu	дрч. domov, нч. domŭ	domoj	domoj
Мѣст.	sunav-i	synu	synu		synu
Род.	sunav-as, др. и. sūnó	domu miodu	medu	médu	módu
Твор.	sunu-bhi	syne-m	syne-m, сл. syn-om	syno-m	syno-m
Зват.	sunu, др. инд. sūi	synu	synu	(syno)	
Дв. ч. Им.	-				
Вин.	др. и. sūnū		дрч. synu		
Род.	-				
Мѣст.	др. и. sūnv-i			др.-вс. synovu	synov-u
Дат.	-				
твор.	sunu-bhjái	др.-п. sy- no-ma	дрч. syno- ma	syno-maj	syno-ma
Мн. ч. Им.	sunav-as	synow-ie	synov-é	synové	
Вин.	sunu-ms	*synu	synu	synojo	*synu,
Дат.	sunu-bhjái др.-и. -bhja	domu syno-m	synu	*synu, domy	domy
			сл. syno-m дрч. synó-m нч. synŭ-m		
Мѣст.	sunu-sva(s) др.-и. sūnū	др.-п. sy- no-ch	сл. syno-ch syne-ch	*syno-ch voŭo-ch	
Род.	sunav-ām	synó-w	дрч. synóv	synov	synov
Твор.	sunu-bhis	woŭ-mi	synŭ		

*) Формы индогерманскаго вское sūnū принадлежитъ, кажется, въ основанъ на -a.
†) Употребляется въ

